

МЕХАНИЗМ АСТІО PAULIANA КАК КОНКУРСНО-ПРАВОВОЙ СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ

Телюкина М.В., Российская Академия народного хозяйства и государственной службы, доктор юридических наук, профессор

Конкурсные отношения – отношения, связанные с несостоятельностью (банкротством) юридических и физических лиц. В орбиту банкротства обычно оказываются вовлечёнными многие субъекты – сам должник, его кредиторы и контрагенты, учредители (участники) должника, третьи лица (в частности, потенциальные контрагенты; субъекты, предоставившие обеспечение по обязательствам должника), государственные органы, публично-правовые образования. Интересы названных субъектов тем или иным образом затрагиваются и нуждаются в защите.

Механизмов защиты субъектов в конкурсных отношениях множество; в их числе – регламентация содержания процедур конкурса; особый порядок назначения арбитражного управляющего; наличие восстановительных процедур; возможность обжалования в суд решений и действий субъектов конкурса; процедура установления требований. Данная работа посвящена одному из механизмов защиты только одной категории субъектов – кредиторов.

Этот механизм – обжалование сделок должника, совершенных до возбуждения производства по делу о банкротстве или непосредственно после этого. Данный вопрос актуален со времен римского права. Именно тогда возникла законодательная возможность признать сделку банкрота недействительной. Представляется необходимым детально рассмотреть механизм, созданный римскими юристами, который мы назовем механизмом *Actio Pauliana* – по названию соответствующего иска.

Ученые справедливо именуют данный механизм важнейшим правовым средством [1, с. 10] либо способом [2] защиты в процедурах банкротства. Историко-правовое значение данного иска бесспорно, что отмечается в науке [3].

Далее рассмотрим исторический аспект механизма *Actio Pauliana*. Данный иск применялся, когда возникало подозрение в том, что должник в преддверии банкротства недобросовестным образом распорядился своим имуществом, что причинило вред кредиторам. С целью защиты последних стало возможным обжаловать сделки, которые на первый взгляд были совершены законно; соответственно, иной возможности их обжаловать не имелось. Результатом являлся возврат в конкурсную массу имущества, переданного должником по сделке кредиторам, что влекло последующее распределение данных активов между кредиторами.

Для целей реализации *Actio Pauliana* выделялась категория «*fraus creditorum*», под которой понималось совершение должником в преддверии банкротства, до введения *missio in possessionem* (владение кредитора имуществом должника без перехода права собственности [4, с. 22]) сделок, целью которых было сокрытие своего имущества от обращения на него взыскания кредиторами после того, как банкротство откроется.

Соответствующая сделка называлась сделкой, совершенной «*in fraudem creditorum*». Последствия сделки «*in fraudem creditorum*» применялись после обращения взыскания на имущество должника в рамках конкурсного порядка. Последнее происходило посредством *missio in possessionem* и следовавшей за этим *venditio bonorum* (продажи имущества должника оптом с публичных торгов [4, с.

22; 5, с. 83]). Если вырученных средств для расчета со всеми кредиторами не хватало, сделки «in fraudem creditorum» могли быть признаны деликтом. Как следствие, допускалось предъявление иска к должнику, умышленные действия которого привели к уменьшению имущества, служившего источником исполнения требований кредиторов. Ученые отмечают, что данный иск, «получивший название actio Pauliana по имени оставшегося неизвестным претора, применялся уже во времена Цицерона» [6].

Реализация Actio Pauliana приводила, как было отмечено выше, к возвращению должнику имущества, переданного по сделке. При этом подлежали возврату как вещи, так и имущественные права, принадлежавшие должнику. Представляют научный интерес выделенные И.С. Перетерским и И.Б. Новицким условия предъявления Actio Pauliana:

- имущество должника уменьшено соответствующим действием, хотя бы и отрицательным, например, пропуском срока для предъявления определенного иска;
- должник действовал, зная о том, что он уменьшает свое имущество, причем намерения причинить вред кредиторам не требовалось – достаточно было, чтобы должник был *consciis fraudis*;

- для предъявления иска не к должнику, а к третьему лицу – контрагенту должника по сделке, или лицу, которое получило известную выгоду от действия или бездействия должника, надо было, чтобы это лицо также сознавало вредные для кредитора последствия действий должника, также было *consciis fraudis*. [6]

Интересно, что практика пошла по пути ограничительного толкования норм Преторского эдикта, которым был введен Actio Pauliana. Определяется это тем, что эдикт требовал соблюдения названных условий, не устанавливая какие-либо исключения. На практике, как отмечается в работе И.С. Перетерского и И.Б. Новицкого, последнее условие стало считаться необходимым «только в случаях возмездного предоставления должником выгоды третьему лицу, когда это третье лицо в споре с кредиторами своего контрагента стремилось избежать ущерба, *certat de damno evitando*. Если же выгода была предоставлена должником третьему лицу безвозмездно, и это лицо спорило с кредиторами в целях сохранения этой выгоды, *certat de lucro cessando*, это лицо рассматривалось всегда как *consciis fraudis*» [6].

Реализация Actio Pauliana определялась самим характером отношений в римском обществе, предполагавшим высокую степень открытости и информированности. Как справедливо отмечается в науке, в те времена в торговом мире несостоятельность становилась гласной, еще не будучи объявленной, то есть лица, приобретающие имущество у должника, скорее всего, были осведомлены о его несостоятельности [4]. В настоящее время финансовое состояние должника не является очевидным для кредиторов (а иногда – и для учредителей (участников) должника, вплоть до публикации соответствующей информации, что требует некоей корректировки отношения к рассматриваемому механизму.

Иск Actio Pauliana предъявлялся особым субъектом, которого (при некоторой доле условности) можно назвать аналогом современного арбитражного управляющего, именовавшимся *curator bonorum*. Данный субъект назначался претором. Иск предъявлялся от имени всех кредиторов; причем по усмотрению *curator bonorum* ответчиком мог быть как должник, так и третье лицо-обладатель имущества должника. Безусловно, следует согласиться с мнением И.С. Перетерского и И.Б. Новицкого, в соответствии с которым «предъявление иска к третьему лицу более соответствовало интересам кредитора» [6].

Интересно решался вопрос о предмете *Actio Pauliana*. Таковым являлось возмещение всего ущерба, причиненного кредиторам действиями должника или выдача обогащения, если ответчик – третье лицо не был *consciis fraudis* (добросовестным безвозмездным приобретателем).

Важным представляется тот факт, что в случае смерти ответчика *Actio Pauliana* мог быть предъявлен к наследникам в объеме, в каком являлся обязанным наследодатель. Данный элемент рассматриваемого механизма заслуживает особого внимания, ибо в современных правовых системах вопросы, находящиеся на стыке конкурсного и наследственного права, практически не разработаны, что ставит кредиторов в незащищенное положение.

Как видим, согласно *Actio Pauliana*, оспорены могли быть сделки, стороны которых преследовали цель причинить должнику убытки, причем эта цель должна была быть прямой а не косвенной. Необходимо было доказать соответствующий умысел обеих сторон (*consilium fraudandi*). Как справедливо отмечается в науке, «главным фактором, предопределяющим отнесение тех или иных сделок к неправомерным действиям, в соответствии с концепцией *Actio Pauliana*, является их результат – умаление имущественной сферы конкурсных кредиторов [7, с. 151].

Историко-правовое значение данного иска отмечается в науке [3]. Отметим, что Д.В. Туткевич назвал *Actio Pauliana* одним из краеугольных камней, «на котором построено впоследствии все сложное здание конкурсного права и процесса» [8, с. 8]

Подход к обоснованию возможности оспаривания сделок, основанный на *Actio Pauliana*, получил название субъективного, поскольку его применение возможно только при наличии субъективного элемента, каковой состоит в намерении причинить убытки. Позднее сформировался противоположный – объективный – подход, в рамках которого принципиальным при решении вопроса опровержения сделок является доказанность какого-либо обстоятельства. Например, признаются недействительными сделки, совершенные за непродолжительный период времени до обнаружения неплатежеспособности. Рассмотрение объективной концепции обжалования сделок выходит за рамки настоящей статьи.

Отметим важнейшую особенность проявления в законодательствах субъективного подхода – как правило, для подпадающих под него сделок устанавливаются более длительные периоды подозрительности. Под периодом подозрительности мы понимаем сроки до возбуждения производства по делу о банкротстве, в рамках которых должна была быть заключена обжалуемая сделка.

Более того, законодательствам некоторых государств – в частности, Великобритании, Кипра – известна конструкция бессрочного периода подозрительности для так называемых обманных сделок (прямого аналога действующее российское право не содержит) [9].

Удлинение периода подозрительности (вплоть до бесконечности) для сделок, в отношении которых доказано намерение причинить вред кредиторам представляется вполне разумным.

Развивая субъективную теорию, отметим следующее. Можно выделить три варианта проявления умысла причинить должнику и его кредиторам убытки (по критерию субъекта, имеющего соответствующий умысел):

- односторонний со стороны должника;
- односторонний со стороны контрагента;
- взаимный – со стороны как должника, так и контрагента.

Безусловно, решение вопроса о том, в какой степени использовать в национальной правовой системе механизм *Actio Pauliana* – прерогатива законодателя. Кроме того, приходится констатировать, что судебная практика «вносит существенные, а иногда и принципиальные корректировки в толкование соответствующих норм» [10, с. 21].

Думается, более активная, нежели наблюдается в настоящий момент, реализация субъективной теории опровержения сделок, привела бы к большей защищенности интересов кредиторов несостоятельного должника в конкурсных отношениях.

Завершая разговор о механизме *Actio Pauliana*, позволяющем осуществить признание недействительными сделок, отметим, что имеющиеся в настоящее время нормы далеко не всегда предоставляют возможность оспорить сделки, признание которых недействительными целесообразно в целях защиты интересов кредиторов. Так, например, в практике автора настоящей статьи была ситуация, когда суд отказал в признании недействительной сделки, в отношении которой имелись доказательства того, что она была совершена с прямой целью причинения вреда кредиторам; причиной принятия такого решения являлось лишь то, что оспариваемая сделка была совершена за рамками периода подозрительности, принятого законодательством.

Отметим, что оборотной стороной оспаривания сделок в конкурсных отношениях вообще и использования механизма *Actio Pauliana* в частности является создание непрогнозируемых рисков у добросовестных контрагентов должника, что негативно сказывается на стабильности гражданского оборота в целом. Ввиду сказанного, представляется целесообразным на законодательном уровне учитывать, что в случае добросовестности контрагента его интересы тоже необходимо защищать. Под добросовестностью контрагента в рассматриваемом контексте необходимо понимать отсутствие у него на момент совершения сделки информации о финансовых проблемах у должника. Возможен и иной, более мягкий для контрагента, порядок решения данной проблемы – состоит он в том, чтобы для целей определения добросовестности понимать более объективный момент – например, введение в отношении должника какой-либо процедуры конкурса. Разница между этими подходами состоит в том, что в первом случае проблему придётся решать посредством установления ряда презумпций. Однако определение презумпций целесообразно далеко не всегда.

Совершенствование конкурсного законодательства вообще и регламентации оспаривания сделок в частности представляется необходимым и актуальным для всех правовых систем. Данный процесс должен базироваться на теории опровержения сделок, балансирующей интересы как должника и его кредиторов, так и добросовестных контрагентов.

Использование законодателем механизма *Actio Pauliana* способно, во-первых, пресечь возможные злоупотребления при совершении сделок в преддверии банкротства, во-вторых, защитить интересы кредиторов от действий недобросовестного должника.

Список использованных источников

1. Карелина, С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности / С.А. Карелина, – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 568 с.
2. Сысоева, О.В. Паулианов иск как способ защиты в процедурах банкротства / О.В. Сысоева // Право и экономика. – М.: Юстицинформ, 2011. – № 10. – С. 74–79.

3. *Костина, Е.А.* Предпочтительное удовлетворение требований отдельных кредиторов как основание недействительности сделок должника / Е.А. Костина // Сибирский Юридический Вестник. – 2001. – № 2; *Прохорский, С.В.* Паулианов иск как основной способ защиты прав требования конкурсных кредиторов / С.В. Прохорский // Юрист. – 1999. – № 1. – С. 8–11.

4. *Малышев, К.И.* Исторический очерк конкурсного процесса / К.И. Малышев. – СПб., 1871. – 456 с.

5. *Шершеневич, Г.Ф.* Курс торгового права: в 4 т. – 4-е изд. / Г.Ф. Шершеневич. – М., 1912. – Т. 4.

6. *Перетерский, И.С.* Римское частное право / И.С. Перетерский, И.Б. Новицкий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.booksite.ru/localtxt/rim/skoe/cha/stn/prg/rimskoe_chastn_prg/26.htm. – Дата доступа: 15.08.2014.

7. *Бруско, Б.С.* Категория защиты в российском конкурсном праве / Б.С. Бруско. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 200 с.

8. *Туткевич, Д.В.* Что есть торговая несостоятельность / Д.В. Туткевич. – СПб. 1896. 339

9. Как вернуть выведенные активы? Оспаривание сделок при банкротстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rocheduffay.ru/articles/invalidity_insolvency.htm/ – Дата доступа: 15.08.2014.

10. *Фролов, И.В.* Управление процедурами банкротства: теория и юридическая практика: учеб. пособие / И.В. Фролов. – Новосибирск: Альфа-Порте, 2013. – 586 с.